

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-91-103

Максим Анатольевич ИСАЕВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
isaeff.maximanatoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650

Поступила в редакцию: 01.10.2019
Принята к публикации: 13.12.2019

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ

ВВЕДЕНИЕ. В современной юридической науке вопрос о действии и реализации норм международного права в национальных правовых системах является одним из популярных направлений исследований. Настоящая статья посвящена рассмотрению и критическому анализу доктринальных оценок применения судами общей юрисдикции Скандинавских стран норм международного права, а также их возможным подходам к разрешению коллизий между нормами международного и национального права.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Метод сравнительного права использован в настоящей статье как логический механизм построения системы коллизионных норм. Коллизионные нормы в случае конфликта международного и внутреннего права в национальных судах рассматриваются в качестве *tertium comparationis* согласно формуле индукции (аналогии): если А есть В, а В есть С, то А есть С. Основной материал взят из доктрины Скандинавских стран под углом сравнительного правоведения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Традиционно международное право в случае конфликта законов предлагает два пути решения: доктрину монизма и дуализма. Однако в чистом виде эти две доктрины не реализуемы, так как содержат

в себе неразрешимые противоречия. Главная причина этих противоречий: невозможность совмещения интересов субъектов международного права друг с другом. Опираясь на доктрину *Interessenjurisprudenz*, мы находим искомый третий пункт – механизм выработки средств, посредством которых происходит решение конфликтов интерпретаций. Основным средством данного механизма является преодоление закона исключенного третьего в рамках логической аналогии. Таким образом, по аналогии с международным частным правом мы можем сформулировать конструкцию международного публичного коллизионного права. Природа этих норм совпадает с такими нормами международного права как *opinio iuris cive necessitates* и общими принципами права, позволяющими при толковании конфликта двух правовых порядков избежать действия «двойных стандартов» и других сомнительных проявлений «мягкой силы».

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Анализ предыдущего материала позволил автору сформулировать ряд общих принципов, на основе которых становится возможным формировать коллизионные нормы международного публичного права. Общим основанием этих норм будет следующее логическое предположение: коллизия правовых

порядков допустима из-за коллизии интересов сторон. Установление факта коллизии происходит через толкование норм, задействованных в конфликте. Толкование преследует цель примирения порядков, их гармонизации на основании общих принципов права, являющихся содержанием элементом как национального, так и международного права. Коллизионные нормы сводимы к общим принципам права, включая и те случаи, когда коллизия носит фундаментальный характер. Коллизионные нормы могут формироваться за счет аналогий. Коллизионная норма не может быть телеологически истолкована.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: соотношение международного и внутреннего права, дуализм и монизм, *jus cogens*, *opinio juris sive necessitates*, ст. 38 Статута Международного суда ООН, общие принципы права, коллизионные нормы, отсылка, трансформация и имплементация, сравнительное правоведение

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Исаев М.А. 2019. Международно-правовая аргументация в судах общей юрисдикции Скандинавских стран: доктринальные оценки. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 91–103. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-91-103

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-91-103

Maxim A. ISAEV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
isaeff.maximanatoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650

Received 1 October 2019
Approved 13 December 2019

INTERNATIONAL LAW ARGUMENTATION IN THE NATIONAL COURTS OF THE SCANDINAVIAN COUNTRIES: DOCTRINAL APPROACHES

INTRODUCTION. *In modern legal science the problem of the effect and implementation of international law in national legal systems is one of the most popular areas of research. This article is devoted to the consideration and critical analysis of doctrinal assessments of the application by courts of general jurisdiction of the Scandinavian countries of the international legal norms, as well as their possible approaches to resolving conflicts between the norms of international and national law.*

MATERIALS AND METHODS. *The method of comparative law has been used in present essay as a*

special logical mechanism that permits us to construct a system of rules relating to conflict of laws. Especially these rules are the tertium comparationis in a case of conflict between international and domestic law in municipal courts, as it is going through the formula of induction (analogy): if A is B, and B is C, so A is C.

RESEARCH RESULTS. *Traditionally international law suggests two ways of solving the problem in a case of the conflict of laws: monistic and dualistic doctrines. But these doctrines are not realizable in a pure form because of their inner contradiction. The main cause of this contradiction is the impossi-*

bility to join interests of the subjects of international law with each other. Taking the doctrine of *Interes-senjurisprudenz* as a ground of our further reasoning we have found the third point, we were searching for: just – the mechanism of elaborating the special remedies by which the conflict of interpretations has to be solved. The main remedy is the overcoming (in a logical sense) the law of excluded the third in the form of analogy. So, we can formulate a construction of the rules relating to conflict of laws in international public law by the analogy with the international private law. The nature of these rules is coincided with the such norms as *_esuetu iuris cive necessitates* and general principles of law. Especially that permits us to avoid the conflict of interpretation of the two legal orders, that can be caused by the “double standards” and “soft power” doctrines.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The above mentioned analysis permits us to formulate some general principles to established the system of rules relating to conflict of laws. The main cause of them will be following logical premise: the conflict of laws is based*

on the conflict of interests. That can be evidently by the interpretation rules in a conflict. Interpretation has the aim to harmonized conflicting orders on the ground of the general principles of law relating to municipal and international law. Conflict of laws can be solved through the general principles of law, especially in the case of fundamental contradiction. Conflict of laws can be formulated by the analogy. Conflict of laws can't be interpreted in teleological way.

KEYWORDS: *correlation of international and domestic law, dualism and monism, jus cogens, opinio juris sive necessitates, article 38 of the Statute of the UN's International Court of Justice, general principles of law, conflict of laws and norms, transformation and implementation, reference, comparative law*

FOR CITATION: Isaev M. A. International Law Argumentation in the National Courts of the Scandinavian Countries: doctrinal approaches. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 4. P. 91–103. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-91-103

Введение

Сравнение еще со времен Аристотеля предполагает особый род логических операций, предпосылкой которых служит определенная степень схожести сравниваемых сущностей, наличие *tertium comparationis*, говоря проще. Мы же предлагаем внести некую новацию в устоявшуюся схему и сравнивать, собственно, не два полюса сравниваемых сущностей, а третье – с ними обоими, что позволит нам занять промежуточное положение между ними. В этой логической схеме сравнение идет по линии третьего субъекта, в результате противоположные сравниваемые сущности становятся предикатами третьего элемента. А это выведет нас на новый уровень знания, когда старая проблема коллизии международного и внутреннего права, решаемая ранее с помощью дихотомии монизм – дуализм, получит разрешение в системе коллизионных норм как своего рода сублимации процесса сглаживания различий противоположных частей дихотомии.

Поставленная логическая задача в практическом плане может быть в наиболее удобной форме решена на примере стран Скандинавии. Во многом это предопределено срединным положением системы права стран Северной Европы между континентальной и общей системами права¹. Объяснение этому находим в истории данного региона – точнее, его глубоко провинциального положения в общеевропейском процессе развития права, в противоположность, например, странам *mos italicus et gallicus iuris docendi*, не говоря уже о Средней Европе – странах *usus modernus Pandectarum*. Рецепция римского права на севере континента был крайне непродолжительной по времени и неглубокой по охвату реципируемых институтов². Именно это предопределило промежуточное положение скандинавской правовой системы, что позволяет отследить на ее примере как достоинства, так и недостатки правового регулирования при решении остро стоящей проблемы в современном международном праве, как, впрочем, и в конституционном, – соотношение

¹ Это глубокое замечание Рене Давида подтверждается, в частности, в [Цвайгерт, Кётц 1998: 414–415].

² Подробнее о рецепции римского права в странах Скандинавии см.: [Исаев 1998:176-187].

международного и внутреннего права при их коллизии.

Исследование

Современная доктрина исходит из двух общих концепций подобного взаимодействия: дуализма и монизма. Имеющиеся исследования этих концепций, казалось бы, со всей исчерпывающей полнотой осветили нам все проблемы их реализации на практике. Тем не менее, за последнее время в литературе обнаружилась тенденция на примирение этих двух концепций – попытка найти нечто среднее между ними³, хотя поиск продолжается⁴. Анализ аргументов сторонников всех упомянутых подходов позволяет нам обрисовать следующую картину.

Итак, взятый в чистом своем виде монизм – как наиболее раннее теоретическое представление о взаимодействии международного и внутреннего права государства – неизбежно приводит нас к осознанию невозможности своей полной реализации в современном мире, хотя бы в силу своего главного постулата. Монизм не различает международное и внутреннее право, что называется, *per se*, поскольку международное право служит продолжением права внутригосударственного. Не случайно в исторической перспективе речь шла о внутреннем государственном праве и внешнем государственном праве, являвшемся продолжением права государственного вовне, в системе межгосударственных отношений. Данное теоретическое положение очень хорошо видно на примере Конституции США 1787 года (п. 2 ст. VI), а равно и тех государств, в конституционной доктрине которых утверждается тезис, что внутреннее право данного государства не может противоречить международному, поскольку является его частью или, как гласит, например, норвежская доктрина права, «совпадает с ним»: «*norsk rett presumeres å stemme*

med folkerett»⁵. Наиболее зримо, повторим, это положение наблюдается в странах *common law*: «*international law is part of the law of the land*», став своеобразным наследием развития доктрины естественного права, взгляда на право как на *ratio naturalis* и *consentium omnia*, чему отдали дань ученые от Т. Гоббса и Дж. Локка до Б. Франклина.

Другим зримым проявлением, правда, уже облегченного монизма, если воспользоваться определением А. Фердросса, является закрепление в тексте действующей конституции положения о приоритете норм международного права над внутренним. Пионером в этом вопросе оказалась веймарская Германия, установив такое положение в ст. 4 своей Конституции 1919 года. Но и здесь, согласно его тонкому замечанию [Фердросс 1959: 91, 94], речь шла скорее о кодификации в конституционном акте сложившейся в течение XIX века практики соблюдения договорных норм или, во всяком случае, норм, получивших признание *in foro*. Иными словами, монизм с практической точки зрения оказался довольно шатким теоретическим утверждением. Логически вся его конструкция покоится на тавтологии *idem per idem*.

Наконец, монизм в своей чистой сути (в форме *reductio ad absurdum*) способен натолкнуть нас на еще одну интересную деталь логико-теоретического свойства. Именно трактовка двух систем права как одной, гомогенной, неизбежно вызывает трудности в вопросах отыскания применимого к конкретному делу права. Технически – это проблема источника права в деле, которая со всей ясностью ставит другие логические вопросы: что, собственно, судья применяет в конкретном деле? Форму или содержание нормы? Эта теоретическая проблема всегда ускользает из виду за редким исключением. Трудность объяснима из-за кажущейся нераздельности формы и содержания. Технически невозможно применить содержание вне формы, однако фактически речь идет о возможности видоизменения формы при

³ Например: «Многообразие видов международно-правовых норм и внутригосударственных механизмов регулирования делает невозможным определение соотношения международного и внутригосударственного права на основании единого теоретического подхода» [Витцум 2012:128-129]. Запомним это утверждение постольку, поскольку оно является центральным в нашей попытке обозначить решение проблемы.

⁴ Относительно недавно была высказана довольно нетривиальная мысль, согласно которой проблемы коллизии международного и внутреннего права объясняются откровенно слабым знанием международного права национальными судьями [Spierrmann 2001:1, 10; International Law... 2010: 414], что в общем-то правда, поскольку традиционная доктрина вообще утверждает, что судья знает только свое право, а чужое знать не обязан. В последнем случае он всегда может привлечь помощь специалистов в порядке *amicus curiae*.

⁵ «Презюмируется, что норвежское право совпадает с международным правом». Впрочем, и в отношении этого, казалось бы, простого правила делается оговорка, что данное положение касается только норм *opinio iuris*, а не договорного международного права [Eckhoff 1993:262]. Это еще один постулат в нашей постановке проблемы, к которому мы вернемся ниже.

применении содержания. Из-за этого парадокса и возникает проблема правоприменения, от-refлектированная еще в школе постгlossаторов (*mos italicus iuris docendi*). Логически содержание, применимое в определенной форме, не сохраняет ее в первоизданном виде, оно логически ее видоизменяет. В нашем случае – из формы, например, закона (*lex*) в форму прецедента (*res judicata*). Уже хотя бы на этой стадии нашего размышления видна логическая несообразность монизма как системы права, даже в его рамках норма международного права, примененная автоматически внутри государственной системы, потребует своей, присущей этой системе формы – собственного своеобразного отрицания. Данная небольшая диалектическая тонкость как раз избегает внимания юристов-практиков, так как в своих действиях они *de facto* руководствуются не прежней нормой источника права, применимого в деле, а новой формой, в которой определено властным уполномочием правоприменительно органа содержание прежней нормы.

Эта ситуация (фактически противоречие) неизбежно требует своего снятия («das Aufheben», как сказал бы Г.В.Ф. Гегель) не в виде системы судебных прецедентов, а скорее в виде выработанных правил; ангlosаксы употребляют в этой ситуации удачное выражение «remedies», посредством которых отыскивается новая форма для старого содержания. Фактически – это окончательная постановка вопроса в логической плоскости о теоретической несостоятельности доктрины монизма: что же, собственно, применимо в рамках данной доктрины, какая, собственно, норма права, материальная или процессуальная?

Итак, суммируя, мы в ходе логического анализа доктрины монизма выделили три логические же проблемы, не разрешимые в рамках данной доктрины. Первое утверждение говорит нам о невозможности единого теоретическо-

го решения (подхода) в рамках какой-то одной доктрины. Истины ради надо заметить, что пока этот тезис не получил полного подтверждения. Второе противоречие, от-refлектированное монизмом, четко противопоставляет нормы договорного международного права нормам международного обычного права (*opinio juris sive necessitatis*). Третье – противоречие применения. Как мы выяснили, норма международного права в чистом виде даже в рамках доктрины монизма должна логически изменить свою форму, должна трансформироваться в узнаваемую внутригосударственной системой норму внутреннего права. Следовательно, логически правильно говорить, что даже в рамках механизма применения норм не международного, а внутреннего права должно происходить то же самое.

Посмотрим, как эти вопросы могут быть решены с точки зрения доктрины дуализма. Снова обратимся к скандинавскому опыту. Исторически эти страны придерживались строгого дуализма в случаях коллизии двух правовых порядков [Ross et al. 1976:68]⁶. Однако ситуация стала меняться после Второй мировой войны, особенно она приобрела четкий динамизм при вступлении скандинавов в ЕЭС (ЕС) и во время долгой эпопеи с признанием обязательной юрисдикции Европейского суда по правам человека. Сама проблема была решена только в 1992 году, всеми тремя странами почти синхронно.

В порядке трансформации все три страны приняли специальные законы, обеспечивающие этот приоритет, а последовавшие судебные прецеденты сформировали общий принцип: при применении нормы конвенции (речь идет о Европейской конвенции о правах человека 1950 г.) суды северных стран обязались толковать ее положения согласно толкованиям Европейского суда по правам человека, его решениям и тексту конвенции⁷. Так, например, было поста-

⁶ См. также конституционную доктрину скандинавских стран: [Sørensen 1979: 277; Germer 1995: 191; Zahle 1998:268-269; Bring 2001:35 Andenæs, Fliflet 2008: 30].

⁷ Одновременно подчеркивалось: «Хотя международное право рассматривается как непосредственная часть норвежского права, тем не менее нет четкого правила определения его иерархического ранга» [Andenæs, Fliflet 2008:31]. Но есть четкое закрепление, например в шведской конституции, особого положения международного права: «Föreskrivas i lag att internationell överenskommelse ska gälla som svensk rätt» – «Если в законе предписано, что международный договор должен быть частью шведского права», то Риксдаг (парламент) принимает специальное решение об этом – § 9 гл. 10 RF в ред. 2010 года (SFS 2010:1408). В значительной степени эта новелла является своеобразной кодификацией старого доктринального положения: «Нормы, из которых состоит международное право, являются обязательными для держав лишь в той мере, в какой они сами посчитают это необходимым – не более, но и не менее. Поскольку государство признает определенный нормативный порядок международных отношений, поскольку этот порядок считается обязательным для государственного органа, то он становится частью международного права самого этого государства. Если же позже государство отказывается признать этот порядок обязательным для себя, то он перестает быть международным правом данного государства» [Bring 2001:38].

новлено решениями Верховного суда Норвегии (RT.1997.S. 580, особенно RT.2001.S. 1015).

Данный пример хорошо иллюстрирует двойственный характер доктрины дуализма в рассматриваемом нами регионе. Традиционная точка зрения гласит следующее: «В формальном смысле международно-правовая норма не становится частью датского права, она просто копируется в форме датской правовой нормы. Технически это возможно двумя путями. Датская норма может или перефразировать международно-правовую норму средствами национального правового языка, или только лишь указать (сослаться) на нее» [Spiermann 2001:2]⁸. Формально же такая доктрина дуализма признает за применением норм международного права технический характер в процессе реализации норм национальной правовой системы.

В последнем случае мы явно наблюдаем сильнейшее влияние доктрины скандинавского правового реализма в среде скандинавских юристов на теорию международного права, одним из основополагающих следствий которого станет тезис, вполне дуалистический по своему основанию, но монистический по результатам. Здесь четко признается, что дуалистическая точка зрения имеет своим основоположением учение о двух независимых системах права: внутреннего и международного, но одновременно при-

знается, что международное право имеет более высокий нравственный статус, оно морально превосходит даже учение о национальном суверенитете. Безусловно, это очень напоминает положение, которое отстаивал в свое время А. Фердросс, утверждавший, что как естественное, так и позитивное право теоретически исходят из «надпозитивных ценностей». Характерно, что для скандинавских знатоков этой ценности главным станет концепция «действенного права» (*gældende ret*), превращающая право в аналог должного, а не сущего⁹. Вклад скандинавов в общую теорию права состоит в том, что они логически безупречно доказали, что общий запрет – например, «не убий» – становится правовой нормой только при добавлении модального глагола: «ты не *должен* убивать». Став таким образом базовым понятием права, выражение «ты должен» и есть Основная норма (Grund Norm) в духе учения Акселя Хегерстрёма – простейшая (элементарная) форма порядка¹⁰.

Формально наш анализ позволяет нам поставить в дополнение к выделенным выше вопросам еще несколько. Итак, четвертое – это проблема ценности в праве, которая как нигде ярко проявляется именно при доктрине дуализма. Проблема возникает именно в сфере усредненных форм, т. е. смешения дуализма с монизмом, особенно когда техника реализации нормы между-

⁸ Именно эти два способа, собственно, и будут составлять трансформацию и имплементацию. Трансформация происходит, таким образом, через принятие специального закона или указа (административного распоряжения) [Sørensen 1979:277]. Причем трансформационный закон действует во внутренней правовой системе по принципу: *lex posterior derogat priori*. Другой конституционалист, Х. Зале, добавляет сюда еще инструкции, под которыми он понимает «ряд указаний, согласно которым административные власти должны себя вести, когда они на основании относительного экспертного правового суждения должны принять решение или осуществить акт управления с учетом международного регулирования, которое должно иметь значение при осуществлении этого административного решения» [Zahle 1998: 273]. Последнее заявление – это очевидная реминисценция последствий членства Дании в ЕС. Имплементация же однозначно трактуется как ссылка [Ross 1976: 76; Germer 1995:191]. Причем эта ссылка может быть как явной, например, в тексте конституции (§ 25 Основного закона ФРГ 1949 г., ст. 15 Конституции РФ 1993 г.), так и завуалированной: «Несмотря на то, – говорит Альф Росс, – что внутреннее право обязано в лице своих национальных судов выправлять (*indrette*) свой внутренний правопорядок таким образом, чтобы соблюдались требования международного права к внутреннему праву, это не означает, что международное право предписывает правила таких исправлений. Государство свободно в процессуальном отношении в том, как обеспечивается соответствие работы собственной администрации и судов международному праву» [Ross 1976:75-76]. И самым надежным таким способом исправления Росс считает именно имплементацию – отсылку к норме международного права, что делает эту ситуацию похожей на положение, характерное для международного частного права. Ниже мы еще вернемся к этой весьма плодотворной идее.

Нетрудно также заметить, что во многом этот подход совпадает с отечественной практикой, проанализированной, например: [Зимненко 2003].

⁹ «Действенность права означает то же самое, что и его эффективное функционирование в виде правового механизма (*retsmaskineri*) по осуществлению физического принуждения» [Ross 1975:73].

¹⁰ Данный постулат, кстати, подтверждается средствами исторической лингвистики (Э. Бенвенист). Так, в индоевропейских языках мы наблюдаем стойкую линию родственных слов, передающих понятие права как раз и навсегда установленный порядок, как смену времен года, суток и т. п.: санскр. «ṛta» – лат. «ritus» – англ. «right» – др. исл. «retg» – русск. «право» и т. д. См.: Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс. 1995.

народного права (пресловутые трансформация и имплементация) отягощается политическим интересом. А его появление неизбежно всегда, когда затрагивается вопрос национального суверенитета, как мы смогли установить выше. Суть данной проблема, таким образом, заключается в необходимости непротиворечивым образом совместить понятие интереса с понятием нормы международного права, применимого во внутреннем праве. Опираясь на доктрину *Interessenjurisprudenz*, выработанную Р. Иерингом (отрадно, что и наш отечественный юрист Н.М. Коркунов внес свою лепту в это учение), мы можем заключить, что «непротиворечивый» или «мирный» способ замирения норм двух правовых порядков лежит в особом порядке регулирования этой коллизии. Напомним, доктрина, толкующая право как защищенный законом интерес, выявляет конфликт интерпретаций данного интереса. Субъекты этого конфликта должны быть именно суверенны, во всяком случае, способны на реализацию *вовне собственной сущности*, что, разумеется, и есть интерес с общеправовой точки зрения. Пятая проблема, тесно связанная с предыдущей, состоит в выработке искомого третьего механизма или «доктрины» решения коллизии норм международного и внутреннего права.

Относительная свобода выбора дуализма или монизма, отмеченная А. Россом¹¹, диктует нам необходимость поиска этого третьего элемента, который является базой нашего дальнейшего суждения, и база эта логически проста: дуализм

и монизм в чистом виде неосуществимы и бессмысленны с логической точки зрения – они не выдерживают такого приема, как *reductio ad absurdum*. Тенденция на «гармонизирующее» толкование как одно из основных средств имплементации также не работает. В результате мы получаем выход не в смешении правовых порядков, а на основе логической схемы взаимного уполномочивания этих порядков. Они не противостоят друг другу, а взаимно друг друга дополняют, становясь через это неким третьим элементом. Логически *a contrario* это выглядит не как закон исключенного третьего, а, наоборот, как его преодоление в рамках аналогии. Технически это выглядит следующим образом: норма международного права применима внутри страны по уполномочиванию компетентного органа (в силу конституции и текущего законодательства) – это традиционный путь трансформации и имплементации. Но одновременно норма международного права применяется в силу реализации полномочий госоргана, которые он получает в силу самого международного права, в силу участия государства в международном общении посредством реализации своей внешней правосубъектности и дееспособности, которые регулируются внешним правовым порядком – международным правом. Характерно, что международная дееспособность государства реализуется посредством заключения международных договоров, создания иных источников международного права (ст. 38 Статута Международного суда ООН). Важно также, что поведение (реализация собственной

¹¹ «Трудность заключается в том, – пишет А. Росс, – что проблема некорректно сформулирована. Монизм и дуализм – термины без четкого значения. Проблема заключается не в споре по поводу правового факта и его толкования, а в том, каким образом имеющийся факт служит аргументом той или иной точки зрения. Для решения необходимо принять то, что подобное доказательство не может быть представлено ссылкой на правовую практику ни национального, ни международно-правового характера. Корень противоречия: принадлежит ли наивысшая власть самому государству или же оно санкционируется международным правом; является ли международное право общим конструктом, служащим правовым основанием для правовых систем государств точно в той мере, в какой федеральная конституция США служит основанием права отдельного штата? Или же международное право ограничивает само себя в требованиях к существующим государствам временными и логическими рамками помимо и независимо от самого международного права? Ответы на эти два вопроса должны покоиться на представлении, которое получается при анализе понятия действительности правовой системы, и не могут решаться посредством отсылки к правовой практике.

В первую очередь следует учитывать отношение национальных судов к международному праву – насколько они следуют монизму или дуализму и в какой мере они делают это верно. То, что иногда национальные суды применяют право, будучи полностью уверены в его противоречии международному, не является доказательством дуализма. Монистическая конструкция может буквально, как уже указывалось, использоваться при допуске международно-правовой оговорки, легитимирующей вероятное превышение компетенции. Так же и иным образом часто возникает отношение, когда национальные суды применяют международное право без какой-либо ясно выраженной ссылки на него в национальном праве, а также иногда дают преимущество международному праву перед национальным законом, что также не может считаться доказательством монизма. То, какое отношение национальные суды занимают к международному праву, всегда может быть рассмотрено в качестве предпосылки, укорененной в национальной норме, может быть, даже конституционного ранга» [Ross 1975:71].

правосубъектности и дееспособности) государств в международном общении напрямую регулируется таким источником международного права, как *opinio juris sive necessitatis*. Получается, что источник международного права регулирует своего «создателя» *a posteriori*, после того как он сам его «отрегулировал». Следовательно, скажем мы, международный обычай имеет своим источником внутреннее право, формой которого является воля государства. Проблема этого взаимного опосредования двух правовых порядков – по сути третьей теории¹² – в том, что на практике эта взаимность часто нарушается по критерию интереса, в результате получаем нарушение взаимного баланса и обострение спора, инспирированного буквалистским пониманием доктрины монизма или дуализма.

Как мы заметили выше, ближайший аналог полученной нами схеме – предмет международного частного права. Вопрос исследован достаточно давно и основательно в нашей доктрине. Лазарь Адольфович Лунц составил в этом отношении традицию, поскольку его формулировка 1969 года без изменений продержалась до наших дней, несмотря на глобальные социальные изменения¹³. Важно также отметить, что отношения как предмет в нашем случае воспринимаются через призму регулирования, которая сама состоит из норм особого порядка – так называемых коллизионных норм. Именно они составят ближайший предмет нашего рассмотрения, но и в случае с международным публичным правом, в случае коллизии последнего с национальным правом нашим предметом выступают также коллизионные нормы, разрешающие данную коллизию. Разница в предметах МЧП и МПП, таким образом, целиком сойдет к сфере применения двух правовых порядков: МПП применяется только в публичной сфере взаимоотношений субъектов международного права, а МЧП – во взаимоотношениях субъектов как частного, так и публично-

го права, отягощенных иностранным элементом. Еще раз хотим подчеркнуть: МЧП – это часть национального правового порядка.

Следовательно, далее нам необходимо установить концептуальное различие между предметом коллизии МПП и МЧП. Различие это хотя бы в том, что коллизия в МЧП носит фиктивный (*quasi*) характер, поскольку коллизионные нормы МЧП имеют строгую национальную «прописку». В ходе применения такой нормы используется внутреннее законодательство, та его часть, которая составляет суть национальной системы МЧП, на что четко указывал Л.А. Лунц¹⁴. Следовательно, применяется в случае коллизии не иностранное право *per se*, а иностранное право *per formula* (не само по себе в чистом виде, а видоизмененное, точнее даже сущностно измененное в рамках определенной процессуальной формы). Так, норма французского закона о наследовании недвижимости будет применена в России согласно коллизионной норме «*lex rei sitae*» не как французское, а как русское право. В случае же коллизии правовых порядков международного и национального права российский суд применит норму не национального, а международного права. Остается выяснить, какой именно из источников международного права больше всего подходит к подобной операции.

Международное право *in corporae*, как известно, крайне неоднородно. Это общее место теории международного права. Очевидно, что логически нормы, например, международного договора будут исполняться в силу общего принципа *pacta sunt servanda* именно как нормы национального права, прошедшие трансформацию или имплементацию – эти два общих механизма никуда не исчезают. Но помимо договорного права существует еще значительный корпус норм *jus cogens*, созданных практикой государств в порядке *opinio juris sive necessitatis* – как международно-правовой обычай. Основанием этой

¹² Ответы на эти два вопроса должны покоиться на представлении, которое получается при анализе понятия действенности правовой системы, и не могут быть даны посредством отсылки к правовой практике.

¹³ «Особая группа гражданско-правовых отношений, которые имеют международный характер». Эта формулировка – с «иностранном элементом» – восходит еще к формуле Перетерского 1956 года [Лунц 2000:21]. Ср. современную трактовку: [Международное частное право... 2011:9]. Важно также то, что это определение из доктрины перешло в законодательный материал: п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019). – *Собрание законодательства РФ*. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

¹⁴ «Существует МЧП каждой данной страны – советское МЧП, МЧП Франции, МЧП Англии и т. д.» [Лунц 2000: 49]. Ср.: «В настоящий момент МЧП, несомненно, является национальным правом» [Вольф 1948:25], а равно: [Международное частное право...2011:11].

нормы в нашем случае является ее *общепризнанность*¹⁵. Для ее основания, следовательно, имеется форма признания: практика государств в лице их соответствующих органов. На данном этапе эта практика понимается достаточно широко: от заключения договоров и их ратификации до согласования воли государств в форме судебного (арбитражного) решения. Именно эта общая практика, кстати, может служить критерием выставления заслона на пути попыток навязывания под видом толкования нормы *jus cogens* воли иностранного контрагента, преследующего свой интерес, основанием которого в наше время является пресловутая доктрина «двойного стандарта» или «мягкой силы».

Последнее становится особенно очевидным, когда один и тот же факт оценивается не по его основанию, а с позиции интереса. Логически – это необоснованная замена толкования нормы по ее основанию на телеологическое толкование данной нормы¹⁶. Цель оправдывает средства. Возникает это противоречие отчасти даже воли толкователя ввиду невозможности предусмотреть состав гипотезы нормы на все случаи жизни. Выход инстинктивно, а в нашем случае намеренно, ищется в понятии «сообразно обстоятельствам», которое всегда означает конкретный интерес толкователя: от желания судьи поскорее закончить скучное судебное заседание до навязывания своему контрагенту чуждой ему точки зрения, сопровождаемой мнимым аргументом. Практическим результатом, кстати, в данном случае будет то, что в сфере коллизии международного и национального права не действует в противоположность МЧП оговорка «о наиболее тесной связи» (п. 2 ст. 1186 ГК РФ). Позже мы вернемся к этой проблеме.

Особое место в ряду источников международного права принадлежит так называемым общим принципам права (п. 4 ст. 38 Статута Международного Суда). Применимость этих принципов обосновывается универсальностью самого пра-

ва как средства разрешения споров. Логически именно эти принципы позволяют нам сравнивать два правовых порядка – международное и национальное право. Но помимо своей роли – базы сравнения – принципы важны как структурный элемент права вообще, точнее его нормы. Собственно общетеоретическое определение возможно именно как такое, какое ставит норму и принцип в один логический ряд. Принцип в таком случае есть не что иное как норма самого общего содержания – вне этой логической конструкции любые сопоставления или противопоставления нормы и принципа бессмысленны.

Понятно, что общие принципы права в области международных отношений должны будут проявлять тот же универсальный характер, что и в национальной системе права. Понятно также, что принципы (нормы) должны будут иметь собственный предмет регулирования. По сути этот предмет – лакуны в международно-правовом порядке. Лакуны логически появляются в результате недостаточности традиционных источников права, но чаще всего они проявляются в силу возникающих новых обстоятельств. В нашем случае концепция новизны должна пониматься как сформировавшаяся коллизия международного и национального права. Природа коллизии такова: это то, что не имеет *пока* рационального и временного механизма разрешения. Наречие «пока» является в нашей системе размышлений ключевым, оно указывает на временный характер противоречия, возникшего между двумя правовыми порядками. Следовательно, разрешение этого противоречия лежит не в плоскости нахождения субъекта разрешения коллизии, он очевиден – международный или внутригосударственный орган, а в плоскости способа такого разрешения.

В определенном смысле здесь уместна аналогия с МЧП¹⁷, которое давно уже выработало подобный механизм – коллизионные нормы. Единственное, что нас останавливает, – то, что

¹⁵ Подробнее см.: [Ромашов 1999:32-40; Синякин, Скуратова 2018:526-545].

¹⁶ См. просто блестящее определение этой дилеммы: «В логическом смысле основанием нормы служит какое-либо общее юридическое положение, из которого она вытекает как логически необходимое следствие, как заключение из большей посылки силлогизма. Это общее положение обыкновенно называется юридическим принципом (*ratio iuris*, *Rechtsgrundsatz*) и представляет собою формально-юридический элемент толкования.

С законодательно-политической точки зрения основанием нормы является цель, ради достижения которой норма установлена. Деятельность законодателя не имеет характера бессознательного, бесцельного творчества. Нормы издаются для того, чтобы достигнуть тех или иных практических результатов...» [Васьковский 1913:58-59].

¹⁷ «Связь международного частного, – пишет Л.А. Лунц, – и международного публичного права явствует из того, что в международном частном праве речь идет хотя и не о международных отношениях, но все же о таких отношениях, которые вытекают из международной жизни» [Лунц 2000:48].

эти нормы суть нормы внутреннего права, хотя в современном МПП эта проблема не является проблемой [Crawford 2012:52-54]. Тем не менее, мы не рискуем утверждать, что коллизионные нормы по разрешению конфликта между нормами международного публичного права и нормами внутреннего права должны составлять часть последнего. Нам представляется, что логически они должны составить тот третий элемент, ту базу обоснования решения конфликта интерпретаций, которая составляет самую общую, логически непротиворечивую часть права вообще – его общие принципы, которые в равной мере, как мы условились выше, принадлежат обоим конфликтующим порядкам¹⁸.

Заключение

Итак, суммируя проанализированное выше, мы попытаемся в общей и предварительной манере сформулировать некоторые коллизионные нормы международного публичного права.

Первое – это критерий определения самой коллизии как коллизии между внутренним и международным правовыми порядками. Не секрет, что это – одна из фундаментальных проблем, решение которой дается в традиционной форме – определение сути самого спора как международного или имеющего международный элемент. Трудность дает о себе знать не на ста-

дии определения спора как отягощенного иностранным элементом – в данном случае пример МЧП более чем показателен; трудность предопределена самим характером взаимоотношений международного и национального права именно в случае коллизии международного правового обычая с нормой внутреннего законодательства.

Классический пример – п. 4 ст. 15 Конституции РФ («Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»). Понятно, что эта формулировка была списана с зарубежных образцов и не учитывает как раз заявленный нами выше критерий. Буквальное толкование положений российской Конституции приводит к тому, что любая норма международного права типа *jus cogens* может вносить в нее изменения. Равно и ратифицированный должным образом договор вносит изменения не только в правовую систему, но и в фундаментальный акт страны по принципу *lex posteriori derogat priori*. Подтверждение чему, кстати, мы находим в п. 1 ст. 46 Венской конвенции о праве договоров 1969 года («Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него

¹⁸ Надо заметить, что в определенной степени наша попытка не является полностью оригинальной. Так, несколько лет назад один из авторов коллективного учебника МГИМО по международному частному праву [Международное частное право...2011:228-230] выдвинул концепцию, спорный характер которой явно не соответствует жанру университетского учебника. Не отрицая национального характера норм МЧП, автор пытается найти теоретическое обоснование коллизионным нормам в общих принципах права, так же как и мы ссылаясь на положения ст. 38 Статута Международного суда. Речь в данном случае даже идет о «коллизионных принципах», которые являются «принципами формирования содержания коллизионных норм». Эта весьма благотворная идея, тем не менее, растворяется в логически беспомощных рассуждениях автора по поводу самого понятия принципа, повторяется старая гимназическая ошибка – неразличение содержания и объема понятия, которым оперируют: «Под принципами формирования содержания коллизионных норм понимаются определенные, относительно устойчивые (*забавно, как не видит автор банального противоречия в объекте суждения, как определенность может быть совместима с относительностью?* – М.И.) начала создания, функционирования и развития коллизионных норм (*прямо акт творения какой-то, все в кучу – нормы, определяющие и статус, и компетенцию, и состав.* – М.И.), каковые в силу своей императивности должны направлять процесс коллизионного регулирования» [Международное частное право...2011:229]. Фактически автор наделяет нормы (принципы) субъектностью, так как они у него чем-то управляют, что-то направляют и т. п. Очевидно, он думает, что нормы осуществляются сами собой в правоотношении. И, наконец, жизнеутверждающее: «Такие принципы способствуют созданию целостной связи между факторами, понятиями, законами и теориями МЧП и могут проверяться практикой». Нелепость подобного утверждения видна не только в неудачном терминологическом сопоставлении ряда «факторы – понятия» или «законы – теории», а скорее в проверке этого силлогизма путем подстановки в его смысловой ряд банальностей. Тогда, например: «понятие человек выводится из факторов его существования» или «законы в своей реализации порождают теории». С точки зрения «глобального подхода», которому так привержен автор, можно, используя принцип *sub specie aeternitatis*, утверждать самое, пожалуй, глобальное: «гипотетические люди живут гипотетической жизнью». Тем не менее, некоторые выводы следует приветствовать. Фактически автор верно утверждает, что коллизионные нормы (принципы) носят универсальный характер; они направлены на локализацию отношений сторон, и «принципы должны применяться не только в процессе толкования, но и при создании коллизионных норм» [Международное частное право...2011:230].

договора было выражено в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основании недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения»¹⁹. Представляется, что неприменимость данного положения к Основному закону основывается не на «конкретизации» конституции при ее применении [Зимненко 2003:43-44]²⁰, а на статье 22 ФЗ «О международных договорах РФ» («Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке»)²¹. Причем логическое основание статьи этого федерального закона обуславливается силой неразрешимости противоречия между нормой международного договора и конституции, поскольку за этими нормами стоят разные политические интересы. Выход из этой коллизии сформулирован давно – через толкование нормы международного права, которая в наибольшей степени гармонирует с основным смыслом конституционного акта. Логическое основание этого утверждения – очень простое: толкование есть необходимая часть применения права. Последнее утверждение может считаться коллизионной нормой *sui generis*.

Итак, мы формулируем следующий ряд коллизионных норм:

1. Коллизия правовых порядков допустима из-за коллизии интересов сторон. Определение факта коллизии происходит через толкование норм, задействованных в столкновении. Толкование преследует цель примирения порядков, их гармонизации на основании общих принципов права, являющихся содержательным элементом как национального, так и международного права.

2. Коллизия по характеру может быть либо фундаментальной (существенной) – интерес, защищаемый правом, побуждает обращаться к вооруженной силе, *ultima ratio regis*; либо конвенциональной, т. е. носить технический характер. В первом случае коллизионная норма преследует цель заморозить конфликт, во втором – техникой применения норм международного права национальными судами и международным арбитражем либо переговорами по взаимному соглашению разрешить ее.

3. Коллизионные нормы по своей сути сводимы к общим принципам права, включая и те случаи, когда коллизия носит фундаментальный характер²².

4. Коллизионные нормы могут формироваться за счет аналогий²³.

5. Коллизионная норма не может быть телеологически истолкована.

6. Коллизионная норма не должна иметь препятствием к собственному применению оговорок об *ordre public* (international).

¹⁹ См.: Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 15.07.2020)

²⁰ Ср.: [International Law...2010: 430], где вообще постулируется чрезвычайная редкость возникновения подобной коллизии «из-за весьма тщательной процедуры ратификации международных договоров и практики их предварительной проверки конституционными судами на предмет их соответствия конституции».

²¹ См.: Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации». – *Собрание законодательства РФ*. 17.07.1995. № 29. Ст. 2757.

²² Последнее положение является фикцией, так как в ядерной войне невозможно соблюдение никаких правил, кроме правила взаимного уничтожения. Полагаем, что разработка препятствий на пути перерастания обычной (конвенциональной) войны в ядерную явится самой насущной задачей современного международного военного права.

²³ Вполне осознаем, что данное утверждение противоречит известному положению А. Фердросса [Фердросс 1959:89], но это только лишь отчасти. Наше понимание коллизии основывается не на примате международного права над национальным, а на взаимном характере уполномочивания двух правовых порядков. Это взаимное уполномочивание делает не просто возможным, но обязательным разрешение коллизии на основе применимой к коллизии нормы. Можно даже аргументировать эту коллизию общей нормой: *конфликт правовых порядков должен быть устранен*. Последнее покоится на характере права как должностования (см. выше) и на общем принципе, запрещающем судьям отказывать в правосудии. Вопрос времени, вероятный при обжаловании решения, вынесенного плохо информированным судьей [Spiermann 2001:10], ведет нас к формулированию еще одной коллизионной нормы в виде презумпции: *если решение национального суда не содержит явного несоответствия общим принципам права – оно правомочно, пока не доказано обратное*.

7. Коллизионная норма допускает в конкретном деле конкуренцию норм международного и внутреннего права в качестве средств доказывания только в случае их явной действительности, таким образом, подтверждая применимость в коллизионной сфере запрета на применение норм международного обычного права. Лакуна должна быть восполнена решением упол-

номоченного органа, действующего по аналогии и в силу необходимости вынесения решения. Все вышеозначенные основания должны покоиться на общих принципах права.

8. Коллизионные нормы, будучи частью МПП, так же, как и оно, подвержены действию принципа прогрессивного развития.

Список литературы

1. Васильковский Е.В. 1913. *Руководство к толкованию и применению законов*. М.: Издание бр. Башмаковых. 152 с.
2. Витцум В.Г. [и др.]. 2012. *Международное право*. М.: Инфотропик Меди. 992 с.
3. Вольф М. 1948. *Международное частное право*. М.: Госиздат иностранной литературы. 702 с.
4. Зимненко Б.Л. 2003. *Нормы международного права в судебной практике Российской Федерации*. М.: РАП. 188 с.
5. Исаев М.А. 1998. Основные формы рецепции римского права в Скандинавии. – *Древнее право. Ivs Antiquvum*. № 3. С. 176–187.
6. Лунц Л.А. 2000. *Курс международного частного права. Т. 1–3*. М.: СПАРК. 1007 с.
7. *Международное частное право в 2-х томах. Т. 1: Общая часть*. 2011. М.: Статут. 400 с.
8. Ромашов Ю. С. 1999. Об условиях формирования общепризнанных норм. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 32–40.
9. Синякин И.И., Скуратова А.Ю. 2018. Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права. – *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. Вып. 41. С. 526–545. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-526-545>
10. Фердросс А. 1959. *Международное право*. М.: Издательство иностранной литературы. 652 с.
11. Цвейгерт К., Кёtz Х. 1998. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1. Основы*. М.: Международные отношения. 480 с.
12. Andenæs J., Fliflet A. 2008. *Statsforfatningen i Norge*. Oslo: Universitetsforlaget. 525 s.
13. Bring O. 2001. *Sverige och folkerätt*. Stockholm: Nordstedts förlag. 336 s.
14. Crawford J. 2012. *Brownlie's principles of public international law*. Oxford: Oxford University Press. 803 p.
15. Eckhoff T. 1994. *Rettskildelære*. Oslo: Tano. 340 s.
16. Germer P. 1995. *Statsforfatningsret*. København: Jurist- og økonomiforbundets forlag. 307 s.
17. *International law*. Ed. by M. Evans. 3rd ed. 2010. Oxford: Oxford University Press. 865 p.
18. Ross A. [og andr.]. 1976. *Lærebog i folkeret*. København: Nyt Nordisk forlag Arnold Busk. 360 s.
19. Spiermann O. 2001. Højesterets anvendelse af folkerett i det 20 århundre. – *Juristen*. No. 1. S. 1–29.
20. Sørensen M. 1979. *Statsforfatningsret*. København: Juristforbundetsforlag. 455 s.
21. Zahle H. 1998. *Dansk forfatningsret*. Bd. 2. København: Christian Ejler's forlag. 387 s.

References

1. Andenæs J., Fliflet A. *Statsforfatningen i Norge*. Oslo: Universitetsforlaget. 2008. 525 p.
2. Bring O. *Sverige och folkerätt*. Stockholm: Nordstedts förlag. 2001. 336 p.
3. Crawford J. *Brownlie's principles of public international law*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 803 p.
4. Eckhoff T. *Rettskildelære*. Oslo: Tano. 1994. 340 s.
5. Germer P. *Statsforfatningsret*. København: Jurist- og økonomiforbundets forlag. 1995. 307 s.
6. *International law*. Ed. by M. Evans. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. 2010. 865 p.
7. Isaev M.A. Osnovnye formy retseptsii rimskogo prava v Skandinavii [The Main Forms of Reception of Roman Law in Scandinavia]. – *Drevnee pravo. Ivs Antiquvum*. 1998. No. 3. P. 176–187. (In Russ.)
8. Lunts L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. T. 1–3* [Course of International Private Law. Vol. 1–3]. Moscow: SPARK Publ. 2000. 1007 p. (In Russ.)
9. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo v 2-kh tomakh. T. 1: Obshchaya chast'* [Private International Law in 2 Volumes. Vol. 1: General provisions]. Moscow: Statut Publ. 2011. 400 p. (In Russ.)
10. Romashov Yu.S. Ob usloviyakh formirovaniya obshchepriznannykh norm [On the Conditions of the Formation of Universally Recognized Norms]. – *Moscow Journal of International Law*. 1999. No. 2. P. 32–40. (In Russ.)
11. Ross A. [et al.]. *Lærebog i folkeret*. København: Nyt Nordisk forlag Arnold Busk. 1976. 360 p.
12. Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens: the historical aspect and contemporary value for international law]. – *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018. Issue 41. P.526–545. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-526-545>
13. Spiermann O. Højesterets anvendelse af folkerett i det 20 århundre. – *Juristen*. 2001. No. 1. P. 1–29.
14. Sørensen M. *Statsforfatningsret*. København: Juristforbundetsforlag. 1979. 455 p.
15. Vas'kovskiy E.V. *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeniyu zakonov* [Guidance to the Interpretation and Realization of Laws]. Moscow: Izdanie br. Bashmakovykh Publ. 1913. 152 p. (In Russ.)
16. Verdross A. Völkerrecht. (Russ. ed.: Verdross A. *Mezhdunarodnoe pravo*. Moscow: Inostrannaya literatura Publ. 1959. 652 p.)
17. Vitzthum W. [et al.]. Völkerrecht. (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo*. Moscow: Infotropik Medi Publ. 2012. 992 p.)
18. Wolff M. Private International Law. (Russ. ed.: Wolff M.

- Mezhdunarodnoe chastnoe pravo*. Moscow: Gosizdat inostrannoy literatury Publ. 1948. 702 p.)
19. Zahle H. *Dansk forfatningsret*. Bd. 2. København: Christian Ejler's forlag. 1998. 387 p.
20. Zimnenko B.L. *Normy mezhdunarodnogo prava v sudebnoy praktike Rossiyskoy Federatsii* [Norms of International Law in the Practice of Courts of the Russian Federation]. Moscow: RAP Publ. 2003. 188 p. (In Russ.)
21. Zweigert K., Kötz H. Einführung in die Rechtsvergleichung: Auf dem Gebiete des Privatrechts. Band I: Grundlagen. (Russ. ed.: Zweigert K., Kötz H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. T. 1. Osnovy*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1998. 480 p.)

Информация об авторе**Максим Анатольевич Исаев,**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

isaeff.maximanoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650

About the Author**Maxim A. Isaev,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Constitutional Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

isaeff.maximanoljevitch@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8492-0650